

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

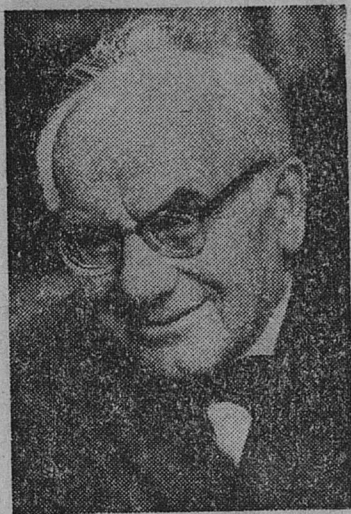
Со студенческих лет я считаю Игоря Владимировича Ильинского одним из моих учителей. Но дело осложняется тем, что сам Игорь Владимирович в своих мемуарах одним из своих учителей называет меня.

Ну, о том, кто кого учил, нам еще предстоит разобраться. Сегодня же мне хочется сказать то, в чем я убежден с тех пор, как увидел его на экране в 20-х годах в кинофильмах «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Праздник святого Иоргена». С тех самых пор Ильинский — мой любимый актер. Он велик, независимо от того, какую роль играет — комическую, характерную, трагическую. Будь то Аркашка Счастливец в мейерхольдовском спектакле «Лес», Бывалов в фильме «Волга-Волга» или Огурцов в «Карнавальная ночь». Они неотделимы от него самого.

Но мне лично важнее всего те работы Ильинского, в которых он выступает как рассказчик. Ему не идет слово «чтец». Исполняя прозу, он играет ее то слегка, полупонамеком, то «в полную силу». И каждый раз лепит характеры, которые заставляют нас снова и снова удивляться великости его таланта. И каждый раз, знакомя нас с замечательными созданиями русской и советской литературы, он становится как бы соавтором Гоголя, Крылова, Льва Толстого, Чехова, Маяковского, Зощенко. Всегда образ, созданный им, не только слышимый, но и зримый.

Вот как бы от себя начинает он повесть Гоголя о старосветских помещиках — забавных старике и старухе, вызывающих улыбки и смех. В следующую минуту вы как-то забываете об Ильинском и восхищаетесь гением Гоголя. Но вот и Гоголь уже несколько «посторанивается», чтобы слышнее стали беседы самих Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны: их манера изъясняться, их внимание друг к другу, вызывающие улыбку не потому, что это смешно, а потому, что нас поражает бесконечная верность и тонкость, с которыми обрисованы малейшие их черты. Но вот жизнь их нарушена исчезновением кошки. И улыбка мало-помалу застывает на вашем лице. На первый взгляд история комическая оборачивается трагедией. Ведомые гениальным писателем и бесподобным рассказчиком Ильинским, мы постигаем боль этих людей.

Это повествование, подобно року в трагедиях древних, поражает нас, как удар, и мы молча продолжаем си-

деть в своих креслах, хотя повесть уже окончилась и замечательный актер ушел за кулисы. Тем жарче аплодисменты, которые следуют за этой кратковременной паузой. Ильинский заставил нас увидеть невидимое, поверить в то, что мы сами были свидетелями этой трагедии. Он умеет рассматривать словно с высокой орбиты как великое, так и малое.

Многие помнят монолог Карла Ивановича из повести «Детство» Льва Николаевича Толстого. Гувернер просто рассказывает историю своей жизни, и вновь Ильинский находит какие-то, а бы сказал, «тихие интонации». И мы читаем, нет, слышим историю человеческой души. Это то, чем так сильна великая русская литература и что ставит ее впереди всех литератур мира. И то, что так сильно в творчестве Игоря Владимировича.

В его исполнении рассказ «Душечка» Чехова поражает своей человечностью и в то же время какими-то шекспировскими масштабами. Он утверждает человеческое в человеке. «Гуманизм великих творений» — тема многих работ артиста.

Вот уже 60 лет удивляюсь, наслаждаясь грандиозным талантом его и его творческой мощью.

В последние годы, к счастью для нас, Центральное телевидение показало многие работы Игоря Ильинского. И вот с трепетом, в ожидании чуда я включаю телевизор, усаживаясь поудобнее и учусь...

Чем же я обязан ему? Что для меня в нем особенно ценно? Скажу: творческая храбрость его. Сознание того, что великий мастер идет в том же направлении, что и ты, чувствовать его одобрение — разве это не значит учиться?..

Ираклий
АНДРОНИКОВ,
лауреат Ленинской премии.
ПЕРЕДЕЛКИНО.

Фото В. Соболева (ТАСС).